

Чумаки

I

Как помер наш отец (пускай земля на нем лежит пухом! ¹), оставил он нам девять пар волов половых, славных. Нас было три брата; я был самый меньшой, мальчишкой после отца остался. Середний брат женился и бросил чумацкий промысел. Мать его очень о том просила: «Перестань, сынок, чумаковать: я теперь несчастлива стала в свете, — успокой хоть ты меня немного». Да он таки и так был плох, часто хворал.

Стали мы со старшим братом чумаковать. Грицько был парубок высокий, чернявый, с карими глазами — настоящий орел. Вот мы и стали чумаковать... Я уже теперь старик, у меня уже дочка на возрасте, невеста, к осени рушники припасает; а еще и теперь мне иногда так и чудится: широкая степь без конца, стелется по ней дорога, идут наши круторогие, скрипят возы, а месяц светит...

«А что, парень, счел звезды?» — крикнет вдруг Грицько, словно в колокол ударит. Я так весь и встрепенусь.

Дорога из нашего села в Крым лежит через Кумыцы, козачье большое село, на двух горах. В нем две церкви каменные, речка, хаты всё новые, а около каждой хаты прекрасный вишневый сад. Славное село!

¹ *Нехай ёму земля пером*, — пословица, выражающая желание, чтобы легко лежалось в могиле. Иногда говорят: *Нехай ёму легко лежати, землю держати*.

Тетка наша, матушкина сестра, в то село отдана была замуж; так мы бывало всегда заходили к ней. Тетка наша рада нам, потчует нас, рассказывает сама, рассказывает. Переночуем у ней, да и в путь. Это было первое время — мы у ней не мешкали; а потом и дольше оставаться в том селе стали. Дня два простоим, а иногда и три: то брат знакомого товарища поджидает, то вол у него ослабеет... Мне, малолетку, то и по сердцу: вожусь с хлопцами, а не то — взберусь на забор, да и сижу на нем, словно петух.

II

Вот однажды выбрались мы из дому ранней весной в дорогу и на третий день к вечеру пристали в Кумыцах. Было тепло, и вишни сильно цвели.

Не доехавши до теткиной хаты, Грицько остановил волов и сказал мне:

— Постой тут, Ивась, не отходи, брат, от волов; я сейчас вернусь.

— А ты куда?

— Да надо к знакомому человеку зайти. Возов не бросай.

И пошел он; а я потихоньку за ним: к каким это он знакомым ходит?

Перешли мы улицу; подкрались под новую хату. Грицько свистнул, переждал немного, свистнул в другой раз, в третий... Все ничего не слышать. А меня так даже под пятки жжет: что-то будет? Обошел Грицько вокруг сада, а там как раз под старой вишней, что, кажись, сильнее всех цвела, стояла девушка, хороша из себя, что твоя звездочка ясная, коса русая ниже пояса. Стояла она прямо против молодого месяца и, поднявши белую руку, приговаривала:

Молодік,
Як гвоздік!
Тобі рогок красні,
Мені очи ясні.

Стала она причитывать другой раз, а Грицько тихонько и свистнул. Девушка встрепенулась, словно серая кукушечка. Грицько подошел ближе.

— Грицю! — говорит она. — Это ты, Грицю?

Я думаю: «Дай подслушаю!» — и подполз, да, как дурак, прямо так и ухнул в яму; все свое лицо крапивой обжег. Какой-то вражий сын под самым плетнем яму вырыл. Где уж тут слушать! Выскочил я да прямо к возам. Должно быть, Грицько подумал, что зайца вспугнул.

Простояли мы в Кумыцах три дня. Грицько все поджидал каких-то знакомых людей — не пришли, вражьи дети! — а сам тем временем он каждый вечер куда-то ходил и возвращался только к свету. Я, шатаюсь с ребятами, допытался же, чья это была новая хата: Данила Мороза. Козак был усатый, здоровенный, да к тому же еще и больно сердитый; имел дочку Марину.

III

Съездили мы в Крым счастливо. На возвратном пути мы, как следовало, остановились в Кумыцах. Грицько скорешенько от тетки отделался, да и побежал. Только он в тот вечер вернулся что-то скоро, да и печальный такой!

Сели мы наутро завтракать, тетка и говорит нам:

— А что, знал ты, Грицько, дочку Данила Мороза, Марину?

— А что такое?

— Отдал ее отец замуж, приневолил, несчастную! Уж как она убивалась, бедная! Словно неживую повезли ее к свекру.

Я глянул на Грицька: он слушает да в окно глядит пристально.

— Вышла замуж — словно стеной ее загородили: завяла, захудала, моя рыбка; а девка была, как солнце! Ко мне бывало частенько забегала — щебечет бывало, спрашивает...

— За кого ж ее отдали?

— Да за Ивана Бондаря, что в Звонарях живет. Такой богач!

Как понурил голову мой бедный Грицько, так до самого дома ее уж не поднял.

IV

А мать все пристаёт к Грицьку:

— Женись да женись! Отчего ты не женишься?

— А оттого я не женюсь, — отвечает Грицько, — что я не нашел себе любой пары; а жениться как-нибудь не годится.

Сидим бывало в хате, а мать станет кручиниться, да и говорит потом:

— Что это у нас на селе за девушки-красавицы! Кажись, и в самом Киеве не найдешь краше нашей Барабашевой, Кати.

А сама смотрит на Грицька.

— Пожалуй, что не найдешь, — промолвит Грицько.

— А не то — Яковенкова Мотря? О, о, вот уж девушка хорошая так хорошая!

— Хороша и Мотря.

— А Мелася?

— И Мелася хороша.

Мать бывало так и заплачет.

Так до смерти и остался нац Грицько холостяком.

Марина — мы через людей узнали — скоро умерла. Говорят, больно лих муж у ней был. Он уже теперь на третьей жене женат.

V

Поседел как лунь Грицько, а все продолжал ходить в Крым. Не хотел ни жениться, ни дома жить — все чумаковал. Счастье ему служило, он все богател; да не тешило его богатство, а ходил он больше оттого, что к чумацкому делу пристрастился.

Дома такой тихий, ничего не говорит, а выйдет в степь — другой человек, словно свет перед ним раскрылся!

Ходит промеж возами, такой проворный да смелый, а не то — запоет: *Та доле ж моя, доле! да чом ты не такая, як доля чужая?* — так что по всей степи раздается.

Славно он пел. Бывало как запоет *Нечая*, так и сдаётся тебе — вот-вот козаки выйдут! а по плечам так морозом и сыплет. Уж подлинно был чумаки!

Он в нашем селе церковь новым тесом обшил и кре-

сты обзолотил. Не одного горемыку убогого из беды выручил.

К матери очень почителен был. Маленькая она стала, съезжилась, словно грибочек, а пережила чумака.

Третий год уж пошел, как он помер. Еще крепкий был чумак. Умирая, приказал вырыть в лесу под дубом две кубышки с деньгами и одну отдать матери, а на другую похоронить его хорошенько, насыпать высокую могилу и крест поставить из целого дуба.

Так мы и сделали: срубили дуб под корень, обтесали его кое-где, да и вставили в землю, словно крест. Далеко-далеко из степи его видно.

